АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РУКОПИСНАЯ КНИГА В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

ОЧЕРКИ

Книга первая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

В. В. Лебедев

ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Еврейская рукописная книга как самостоятельное явление культуры впервые стала исследоваться М. Штейншнейдером (1816—1907), рассматривавшим историю рукописной книги как «составную часть введения в историю еврейской литературы» [Steinschneider, 1937, с. 1]. Новейшая монография М. Бейт-Арье [Beit-Arié, 1976] носит более узкий кодикологический характер. Этим фактически и ограничиваются основные специальные исследования. Масса ценных замечаний рассыпана в каталогах рукописей, описаниях отдельных рукописей, заметках о средневековых еврейских библиотеках, об иллюстрациях рукописей и т. п.

Исторические судьбы еврейского народа определили основные особенности еврейской рукописной книги, а именно: широкие исторические и географические рамки ее бытования; многоязычие; восприимчивость к традициям рукописной книжности различных народов; сохранение некоторых архаических черт древневосточной рукописной книги; разнообразие репертуара.

О раннесредневековой (до IX в.) еврейской рукописной книге сохранились лишь косвенные данные, полный свод и анализ которых — задача будущих исследователей. Древнейшие датированные еврейские кодексы относятся к IX в. Карасубазарская библия из собрания ИВ АН (шифр D 62) [см.: Starkova, 1972, с. 37—40] имеет приписку с датой, обычно читаемой как 607, т. е. 4607 г. «от сотворения мира», что соответствует 847 г. н. э.; однако эта неясно написанная дата вызывает сомнения ученых [Beit-Arié, 1976, с. 9]. Бесспорна датировка кодекса пророков 894—895 гг., ныне хранящегося в караимской синагоге г. Каира. К X в. относятся 17 датированных еврейских рукописных книг, к XI в. — 24, к XII в. — 41. Всего же в мире известно более трех тысяч еврейских рукописей, датированных X—XVI вв. [Beit-Arié, 1976, с. 10].

Сравнительно раннее появление еврейского книгопечатания (70-е годы XV в.) в определенной степени ограничило распространение рукописной книги. Однако на протяжении еще нескольких веков рукописная книга почти повсеместно успешно конкурировала с печатной.

Судьбы рукописной и печатной книги нередко переплетались. Известны случаи, когда дефектные экземпляры печатных изданий дополнялись от руки. Например, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится несколько экземпляров венецианских изданий караимских молитвенников (1528 г.) с рукописными дополнениями (шифр: Бахч. 121/1—6). Обычным явлением (как и у многих других народов) было изготовление списков с печатных изданий.

Влияние еврейской рукописной книги на печатную было велико. Два шрифта, применяемые в еврейских типографиях на протяжении всех пяти веков существования книгопечатания, — квадратный и раши — сохраняют начертания соответствующих почерков (причем первый — без каких-либо изменений). Нетрудно заметить также близость оформления рукописной и старопечатной еврейской книги. В свою очередь, поздние рукописные книги (XVI—XIX вв.) иногда оформляются по образцу печатных: появляется титульный лист с четко выделенным заглавием, именем автора и выходными данными (см., например, рукописи ГПБ: Евр. н. с. 111, Евр. н. с. 112, Евр. н. с. 176).

Географический ареал еврейской книги уже в средние века был весьма обширен: Ближний Восток, Иран, Средняя Азия, Северная Африка и почти вся Европа. Этим объясняется и многоязычие еврейской рукописной книги: можно назвать не менее 12 языков, на которых писались рукописи еврейским письмом: древнееврейский (иврит), арамейский, арабский, идиш, ладино, старофранцузский, итальянский, греческий, персидско-таджикский, татский, караимский и крымчакский.

Еврейской графикой не только переписывались тексты еврейских и караимских авторов, но и записывались произведения арабской, персидской, тюркоязычной литературы и фольклора. Привлечение подобных текстов может обогатить историю соответствующих литератур новыми фактами, как это можно видеть на примере арабской литературы и фольклора. Только в еврейской транскрипции пока известны арабские повести о халифе ал-Валиде и Салме [Лебедев, 1976, с. 133—135] и о войне птиц и зверей [Лебедев, 1973, с. 235]. Записи арабского фольклора, сделанные евреями и караимами, открывают неизвестную страницу в истории устного народного творчества

арабов, помогают проследить пути миграции фольклорных сюжетов [Лебедев, 1979].

Восприимчивость еврейской рукописной книги к местным традициям особенно отчетливо проявляется в ее оформлении и переплете: рукописи, переписанные в Западной Европе, близки в этом отношении к рукописям в латинской графике, а еврейские рукописи восточного происхождения — к мусульманским. Эту близость можно детально проследить на материале письма, структуры кодекса, иллюстраций, переплета. В частности, М. Штейншнейдер отмечал влияние готического стиля на оформление еврейских рукописей, переписанных в Германии [Steinschneider, 1937, с. 1]; очевидно влияние арабского письма на сефардийский курсив (округлая форма). Миниатюры еврейско-персидских рукописей сходны по стилю с мусульманскими (иранскими и среднеазиатскими) и совершенно отличаются от миниатюр европейских еврейских рукописей. Европейские переплеты еврейских рукописей резко отличаются от восточных.

Вместе с тем еврейская рукописная книга сохранила ряд специфических общих черт, восходящих к древневосточной рукописной традиции. К числу таких черт следует прежде всего отнести сохранение архаического типа книги — свитка. Счастливая случайность сохранила значительное число древнееврейских свитков, найденных в районе Мертвого моря, — остатки большой древней библиотеки. В тот период это была господствующая форма книги у евреев. Освященные талмудической традицией, свитки «священного писания» в течение многих веков переписывались специальными писцами (*соферим*), а в последние десятилетия стали воспроизводиться фототипическим способом. Число имеющихся в мире еврейских свитков не поддается точному учету. Они хранятся в синагогах, библиотеках и у частных владельцев. Наиболее распространены свитки Торы (Пятикнижия) и Книги Эсфирь, встречаются также свитки Песни Песней, книги Руфь, Екклесиаст и Плач Иеремии.

Отличительной чертой еврейской письменной традиции являлся запрет на уничтожение рукописей (на том основании, что любая из них содержала имя бога, а повреждение этого имени считалось тяжелейшим грехом). Рукописи, негодные к употреблению в силу их ветхости, ошибок в переписке текста или «еретического» содержания, закапывались в землю, а чаще складывались в специальные хранилища — *генизы* (от глагола *ганаз* «хоронить») — на чердаках или в подвалах синагог. Именно благодаря генизам сохранились до наших дней многие памятники еврейской письменности. Наиболее знаменита Каирская гениза, материалы которой находятся ныне во многих хранилищах мира.

Еврейская письменность (книжная и деловая) характеризуется обилием аббревиатур.

Ряд черт сближает еврейскую рукописную книгу с книгой других семитских народов (арабов, сирийцев, самаритян). Во всех этих трех системах письменности отсутствуют заглавные (прописные) буквы, письмо идет справа налево, отсутствуют переносы слов на другую строку.

Репертуар еврейской рукописной книги исключительно разнообразен. Наряду с библейскими свитками и кодексами, списками талмудических трактатов и богословских сочинений широко представлена экзегетическая литература на всех языках, распространенных среди народов иудейского вероисповедания. В рукописных собраниях велик удельный вес филологических (грамматических и лексикографических) сочинений. Большой вклад в их исследование внесли русские и советские гебраисты, в особенности акад. П. К. Коковцов. Сохранились оригинальные и переводные сочинения по философии, точным и естественным наукам, медицине, истории, географии; художественные произведения — поэтические, прозаические и *макамы* [1], сочетавшие рифмованную прозу с обилием вставных стихотворений. Неотъемлемую часть репертуара еврейской рукописной книги на Ближнем Востоке и в Северной Африке составляли произведения арабской научной и художественной литературы, а также записи арабского фольклора в еврейской транскрипции, о чем уже говорилось выше.

Борьба демократической и аристократической тенденций в еврейской культуре нашла отражение в репертуаре и оформлении еврейской рукописной книги. В ряде рукописных собраний мира преобладают еврейские богослужебные и богословские рукописи. Сочинения, сколько-нибудь расходившиеся с ортодоксальным иудаизмом, изымались из обращения и помещались в генизы; тем бо́льшую научную ценность представляют сохранившиеся до наших дней даже небольшие фрагменты подобных произведений. Фольклорные записи, делавшиеся небрежно, зачастую на первых попавшихся под руку клочках бумаги, не предназначались для длительного хранения и гибли быстрее кодексов, содержавших культовые тексты. Четко прослеживается разница между демократической рукописной книгой, включавшей сборники стихотворений и фольклорных записей, школьные учебники и скромные списки самых разнообразных текстов, переписывавшихся рядовыми тружениками для себя или членов семьи, и книгой аристократической, парадной, предназначавшейся для синагог или богатых меценатов. Впро-

[1] *Макамы* — занимательные рассказы.

чем, нередко в одной рукописи или одном рукописном собрании отражались различные, противоречивые культурные тенденции. Так, в сборниках стихотворений иногда литургические стихи соседствуют с лирическими, а в библиотеке одного египетского еврея (XI—XII вв.) рядом с молитвенниками хранился список арабского рассказа о халифе Харуне ар-Рашиде (см. рук. ГПБ Антонин № 349).

КРАТКАЯ КОДИКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРЕЙСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Древнейший мягкий писчий материал — папирус — представлен в собраниях еврейских рукописей сравнительно небольшим количеством фрагментов II—IX вв. (в основном литургического содержания) [Бёрлин, с. 718—719].

Кожа, которая благодаря своей прочности и повсеместной распространенности в I тысячелетии н. э. вытеснила папирус, применялась для написания библейских свитков вплоть до XIV—XV вв., а в отдельных местностях (Йемен, Кавказ) и позднее. Употреблялись кожи оленей, овец, коз, телят.

Значительное распространение у евреев (особенно в Европе) получил пергамен. Техника его изготовления и разлиновки зависела от места изготовления, но существенно не отличалась от применявшейся соответственно в Европе, Византии или арабских странах. Палимпсесты, где один из слоев (обычно верхний) написан еврейским письмом, сохранились в сравнительно небольшом количестве и в основном относятся к XI—XII вв. [Бёрлин, с. 720]. Если на Востоке пергамен вытесняется бумагой уже в XI—XII вв. (вначале в светских рукописях, потом в кодексах религиозного содержания) и употребляется в более поздний период лишь для свитков и определенных типов документов (например, брачных контрактов), то в Европе вообще пергаменная рукописная книга еще преобладает в XIV в. и сохраняет определенные позиции в XV в., что в полной мере относится и к еврейским рукописям. При этом в XIV в. параллельно с появлением ряда бумажных фабрик отмечается усовершенствование техники обработки пергамена (тщательно выбривается и чистится волосяная сторона, в результате чего получается высококачественный сорт белого пергамена, именуемый в латинской палеографии «vellum» [Beit-Arié, 1976, с. 22]. К этому времени относятся и рукописи, где пергамен сочетается с бумагой: первый и последний (как бы защитные) листы каждой тетради — пергаменные, остальные — бумажные. Ста-

20 Заказ № 174

рейшая известная датированная еврейская пергаменно-бумажная рукопись была переписана, впрочем, не в Европе, а в Александрии еще в 1212 г. (ныне хранится в университетской библиотеке г. Франкфурта-на-Майне) [Beit-Arié, 1976, с. 37]. В ГПБ хранятся несколько таких рукописей, старейшие из которых относятся к 1331 г. (Евр. I 479) и 1359 г. (Евр. I 23) (последняя рукопись переписана в крымском городе Кафе, ныне Феодосия).

Еврейские рукописи дают дополнительный материал для выяснения истории распространения бумаги на Востоке и в Европе. Здесь целесообразно привести данные о старейших известных еврейских рукописях на бумаге, происходящих из различных регионов. Древнейший датированный еврейский рукописный фрагмент на бумаге, происходящий из Каирской генизы, относится к 1005 г. [Beit-Arié, 1976, с. 20]. Старейшие датированные бумажные еврейские рукописи из Испании и Италии относятся соответственно к 1225 и 1312 гг. (причем в обоих случаях бумага сочетается с пергаменом), из византийско-балканского региона — к 1329 г. (бумага с филигранями), из Германии — к 1337 г. [Beit-Arié, 1976, с. 21]. Филиграни засвидетельствованы на бумаге еврейских рукописей, как видим, уже в XIV в. Здесь следует внести уточнение в известный свод филиграней Н. П. Лихачева [Лихачев, 1899, т. 1, с. 50]: фигурирующая там рукопись ГПБ Евр.-араб. I 1311 (содержащая части «Канона» Ибн Сины в еврейской транскрипции) [Старкова, 1957, с. 39—58] датируется не 1420-м, а 1380 г., соответственно меняется и датировка филиграней основной части этой рукописи («три горы», «три горы в круге», «единорог», «лук со стрелой»). Рукопись 1384 г., содержащая окулистический трактат Исы ибн Али (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1310), написана на бумаге с филигранью «голова оленя».

Вообще многие еврейские рукописи ближневосточного происхождения начиная с конца XIV в. написаны на итальянской и французской бумаге и тем самым подтверждают вывод Н. В. Пигулевской о распространении этих видов бумаги на Востоке [Пигулевская, 1960, с. 205—207]. В источниках встречаются сведения и о ближневосточных центрах производства бумаги, использовавшейся для написания как арабских, так и еврейских рукописей. Например, в одном из списков книг, принадлежавших египетскому ученому XII в. Йосефу б. Йаʿакову ха-Бавли, упомянуты также находившиеся у него две чистые пачки багдадской бумаги (*рабтатайн кагид багдади*) [Scheiber, 1971, с. 69—70].

Обычный объем тетради в еврейских рукописях составлял в Центральной и Юго-Восточной Европе 8 листов, а на Востоке

и в Италии — 10 листов; максимальный объем пергаменной тетради всюду составлял 12 листов, а бумажной достигал 16 листов в византийско-балканском регионе и 24 листа — в Испании, Италии и Северной Африке [Beit-Arié, 1976, с. 43—47]. Тетради, как правило, нумеровались еврейскими буквами (имеющими, как известно, цифровое значение); на Ближнем Востоке обычно в начале каждой тетради (*курраса*) ее номер отмечался соответствующим арабским числительным (по-арабски и арабскими же буквами).

С XIII в. в конце каждой тетради, а позднее (XIV—XV вв.) — каждого листа появляются *кустоды* [Beit-Arié, 1976, с. 54]. Господствующий тип кустода — вынос в нижний левый угол оборотной стороны листа первого слова (или двух слов) следующего листа (по мусульманской кодикологической терминологии — *караул*). Кустоды часто надчеркивались горизонтальной чертой или наклонными штрихами, а иногда орнаментировались и даже иллюстрировались (см., например, рук. ГПБ Евр. I 78, а также [Beit-Arié, 1976, с. 55—57, табл. 10—12]).

Пагинация в еврейских рукописях появляется со второй половины XV в. вначале только в Италии и Испании [Beit-Arié, 1976, с. 66] и уже значительно позже (с XVII—XVIII вв.) и реже встречается в еврейских рукописях восточного происхождения (см., например, рук. ГПБ Евр.-араб. II 1750).

Переплетное ремесло среди евреев издавна получило широкое распространение. Но каких-либо специфических особенностей техники изготовления и оформления переплета, характерных именно для еврейской рукописной книги, пока обнаружить не удалось. Доступный нам материал лишь подтверждает зависимость переплетного дела у евреев от его традиций у окружающих народов. Два типа переплета: европейский и восточный — отчетливо прослеживаются на протяжении всего средневековья [Steinschneider, 1937, с. 33].

Старинный европейский переплет — массивные дубовые или буковые доски, обтянутые темной плотной кожей, с металлическими застежками — характерен для многих европейских еврейских рукописей. Например, библейская рукопись XIII—XIV вв. из собрания Фирковича (рук. ГПБ Евр. B 1) сохранила подобный переплет с остатками медных застежек; на обеих крышках переплета рукописи того же времени, содержащей трактат Маймонида «Море Невухим» (рук. ГПБ Евр. I 472), вытиснен геометрический орнамент. Можно отметить еще одну рукопись того же собрания (Евр. I 209), где на верхней крышке переплета вытиснены животный орнамент и имя переплетчика — Шему'ель б. Йехиель, а на нижней — растительный орнамент;

рукопись содержит известный богословский трактат «Тур орах хайим» («Порядок поведения») и датирована 1419 г.; переплет скорее всего относится к тому же времени. Позднее (с XVI—XVII вв.) наряду с кожей для переплетов употреблялся и пергамен (см., например, рук. ГПБ Евр. н. с. 2). В XVI—XVII вв. доски заменяются картоном, а в XIX в. и кожаный переплет постепенно вытесняется картонным.

Восточный переплет еврейской рукописи внешне не отличался от переплета мусульманской рукописи: вместо досок там обычно употреблялись спрессованные и склеенные бумажные или пергаменные листы (чистые или из старых, пришедших в негодность рукописей); кожа мягкая и светлая, орнамент живой (растительный или цветочный); иногда переплеты снабжались клапанами; застежки были также кожаные. В этом отношении характерны переплеты двух рукописей из собрания Фирковича, датируемых началом XVI в.: Евр.-араб. I 1314 (каллиграфический список «Книги заповедей» караимского автора Шему'еля Магриби, переписанный в Иерусалиме в 1513 г.; крышки переплета склеены из листов арабских рукописей, на коже крышек вытиснены медальоны) и Евр.-араб. I 1345 (комментарий Салмона б. Йерухама на Псалмы, 1515 г., место написания не указано, но скорее всего Египет или Палестина; вместо досок — склеенные листы старых еврейских рукописей).

Сфера распространения западных и восточных переплетов менялась в связи с изменением политической обстановки в странах, населенных евреями, и миграцией еврейского населения. Так, в Крыму в XIV—XV вв. был распространен европейский тип переплета (см., например, рук. ГПБ: Евр. I 78; Евр. н. с. 206, 207), а в XVII—XVIII вв. — восточный (см., например, рук. ГПБ Евр. I 662 и 687—688 из собрания Фирковича, которые имеют типичные арабо-турецкие переплеты с клапанами и медальонами).

ПИСЬМО, КАЛЛИГРАФИЯ, УКРАШЕНИЯ, ИЛЛЮСТРАЦИИ

Древнейшие сохранившиеся письменные источники на древнееврейском языке относятся к X—IX вв. до н. э. Первое тысячелетие до н. э. представлено преимущественно эпиграфическим материалом, и лишь некоторые свитки Мертвого моря относятся ко II—I вв. до н. э. Первоначально евреи использовали так называемое палеоеврейское письмо, развившееся непосредственно на основе финикийского алфавита; одна из

ветвей этого письма сохранилась до настоящего времени в виде самаритянского алфавита [Вильскер, 1974, с. 17—19].

Начиная с V—IV вв. до н. э. палеоеврейское письмо сосуществует с письмом арамейским, а на рубеже нашей эры уже вытесняется им. Свитки Мертвого моря написаны арамейским письмом (*кетав ашури*), уже близким к обычному еврейскому квадратному почерку (*кетав мерубба'*).

«Благодаря строго установившимся правилам, которым подчиняется писание свитков Торы, в форме букв не могло произойти существенных изменений. Громадное значение. . . придававшееся этим рукописям, содействовало особенно тщательному изображению знаков; писцы старались выводить буквы красиво, поскольку тем не нарушались существующие на этот счет постановления» [Алфавит, с. 50].

В средние века квадратный почерк употреблялся: 1) в богослужебных рукописях (особенно в свитках); 2) для выделения библейского текста в рукописях комментариев на Библию и других сочинений, где встречались библейские цитаты; 3) для выделения заглавий, названий глав и разделов сочинений; 4) в отдельных случаях (в особенности до XIII—XIV вв.) в парадных, каллиграфических рукописях различных жанров; 5) в брачных контрактах (*кетубот*).

Прочность еврейской каллиграфической традиции, закрепленной и освященной Талмудом, способствовала сохранению квадратного почерка в качестве основного типа еврейского письма, с появлением книгопечатания занявшего господствующее место среди печатных еврейских шрифтов.

Вместе с тем уже в период раннего средневековья в силу особенностей пера (тростникового на Востоке, гусиного, а впоследствии металлического на Западе), небрежности в написании небогослужебных (в особенности светских) текстов и влияния письма других народов, среди которых жили евреи, в различных странах появляются местные типы полукурсивного и курсивного письма.

Полукурсив характеризуется несколько более небрежным, округлым или упрощенным написанием отдельных букв, например: *алеф* пишется не в три приема (как в квадратном почерке), а в два; *вав* изображается в виде вертикальной прямой линии (без крючка); *хет*, *тет*, *ламед*, *мем*, *нун* и некоторые другие буквы более плавные по сравнению с квадратным почерком (см. рис. 32, 34).

Наиболее распространенным типом полукурсива стал раввинский итальянский, получивший название «раши», поскольку этим почерком обычно писались комментарии известного экзегета Раши (1040—1105) к Библии и Талмуду. На основе этого

почерка был создан шрифт раши, получивший широкое распространение в первые века книгопечатания, да и в XIX—XX вв. еще сохранявшийся во многих еврейских типографиях. К почерку раши был близок сефардийский полукурсив, сложившийся в XII—XIII вв. на Пиренейском полуострове, а в дальнейшем распространившийся также в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Своеобразным начертанием букв отличаются караимские типы полукурсива: караимский восточный, западнокараимский и крымский. Караимский восточный почерк был распространен на Ближнем Востоке (имена известных писцов — представителей этого почерка связаны в основном с Каиром и Иерусалимом), западнокараимский — в Литве и Галиции. Караимский восточный почерк характеризуется угловатым *алефом*, петлеобразным начальным *пе*, закруглением влево «хвостов» *кофа*, конечных *кафа* и *нуна* (см. рис. 34). Этот почерк испытал некоторое влияние сефардийского полукурсива, крымский почерк — почерка раши, западнокараимский — ашкеназского курсива. До конца XVIII в. крымский почерк подвергался также определенному влиянию караимского восточного почерка, что объясняется традиционными связями ближневосточных и крымских караимов. После присоединения Крыма, Литвы и Волыни к России усилились контакты между крымскими и западными караимами, что привело в XIX в. к процессу взаимного влияния западнокараимского и крымского почерков. Наглядный пример таких контактов — деятельность А. С. Фирковича (1787—1874), уроженца г. Луцка, бóльшую часть жизни прожившего в Крыму. Его сыновья уже писали почерками, близкими к крымскому типу, да и сам он в 1830—1870-е годы несколько отступал от стандартного западнокараимского почерка.

Термин «курсив» в латинской и греческой палеографии предполагает написание буквы, группы букв или даже целого слова без отрыва пера от бумаги [Люблинская, 1969, с. 126]. Такая манера письма противоречила талмудическим канонам; поэтому последовательное применение принципа слитного написания букв встречается в еврейской письменности сравнительно редко и уже в относительно позднее время (с XIV—XV вв.). В еврейской палеографии термином «курсив» обозначается письмо, где каждая буква написана небрежно, существенно отличаясь от традиционного начертания квадратного почерка, и где обычным явлением ставится лигатура (т. е. соединение двух или более букв). Чаще всего в лигатурах участвуют буквы: *бет*, *далет*, *вав*, *йод*, *нун*, *реш*. Наиболее распространенная лигатура — *алеф*+*ламед* — проникла и в полукурсив. До сих

пор в специальных работах нет еще четкого разграничения курсива и полукурсива.

Обычно выделяют три типа курсива: сефардийский, ашкеназский и восточный, причем после изгнания евреев из Испании (1492 г.) отчетливо прослеживается влияние сефардийского курсива на восточный: появляется некая гибридная форма этих типов курсива, распространившаяся на огромной территории — от Марокко до Индии. Курсив вначале применялся в деловой и частной переписке и лишь постепенно (в XII—XIV вв.) стал появляться и на страницах рукописных книг. Один из ранних образцов восточного курсива, относящийся к 831 г., представлен в приложении к каталогу коллекции Э. Н. Адлера [Adler, 1921, табл. 2]. Любопытный образец еврейского письма в «Фихристе» знаменитого арабского библиографа второй половины X в. Ибн ан-Надима [Fihrist, с. 15] содержит курсивные начертания некоторых букв (*алеф*, конечный *каф*, *цаде*), хотя преобладают полукурсивные начертания; к сожалению, неясен источник, которым пользовался Ибн ан-Надим при передаче еврейского алфавита. Хронологические рамки проникновения курсива в еврейскую рукописную книгу могут быть уточнены лишь по завершении сводного каталога датированных еврейских рукописей.

По доступному нам материалу складывается впечатление, что восточный курсив распространяется в еврейской рукописной книге с XII в., а сефардийский и ашкеназский — с XIII—XIV вв. Так, почерк аденской рукописи 1144 г. (рук. ГПБ Евр.-араб. I 4562) можно определить как восточный курсив (см. рис. 33). Сефардийским курсивом написаны еврейские стихи на л. 161 арабской (!) рукописи 1270 г., содержащей сборник медицинских сочинений Ибн Рушда (рук. ГПБ Дорн 124); эти стихи, судя по палеографическим данным, были переписаны вскоре после основного текста; очевидно, владельцем рукописи был врач-еврей. Ранние образцы ашкеназского курсива приведены в палеографических таблицах С. Бирнбаума [Birnbaum, 1954, табл. 369—380]. С. Д. Гойтейн на основании исследования документов генизы пришел к выводу, что родиной еврейского курсива вообще является Ирак, а родиной сефардийского курсива — Тунис [Goitein, 1967, с. 234—235]. Изучение еврейских рукописей ленинградских собраний подтверждает закономерность, отмеченную уже авторами «Еврейской энциклопедии»: «Еще менее старания прилагалось при начертании букв в тех случаях, когда текст был не еврейским, а заимствованным путем транскрипции из другого языка» [Алфавит, с. 56]. Действительно, среди рукописей, написанных курсивом, велик удельный вес текстов на языках арабском, ладино, караимском,

еврейско-персидском. Переписывая тексты на иных языках, обычно светского содержания, писец был свободен от талмудических канонов, регламентировавших написание «священных» текстов на древнееврейском языке и объективно способствовавших становлению и развитию еврейской каллиграфии.

В то же время следует подчеркнуть, что далеко не все еврейские каллиграфы ограничивались перепиской свитков Торы и других богослужебных рукописей. Высокие образцы каллиграфии — как квадратным почерком, так и полукурсивом, как на древнееврейском, так и на других языках — сохранились во многих рукописных хранилищах мира. Например, в собрании Фирковича рядом на полке стоят арабоязычные каллиграфические списки «Канона» Ибн Сины (1380 г.) и трактата по окулистике ʿИсы ибн ʿАли (1384 г.), шифры соответственно: Евр.-араб. I 1311 и Евр.-араб. I 1310. Наличие каллиграфических списков сочинений арабской научной и художественной литературы [2] в еврейской транскрипции — одно из доказательств интереса и уважения средневековых евреев Ближнего Востока к арабской культуре.

Выявлению имен еврейских и караимских каллиграфов и в дальнейшем исследованию каллиграфических школ будут способствовать сводный каталог датированных рукописей и каталоги отдельных собраний. Большой неисследованный материал в этом отношении содержит собрание Фирковича. Достаточно назвать несколько имен каллиграфов, представленных в этом собрании. Дамасский караим Йицхак б. Шему'ель Ибн Куджук переписал в 1391 г. комментарий на Псалмы Салмона б. Йерухама (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1427); колофон содержит любопытные сведения о походе мамлюкского султана Баркука в Халеб. Несколькими десятилетиями позднее в Дамаске действовал караимский каллиграф Шему'ель б. Аврахам Леви, переписавший в 1436 г. сокращенный комментарий на Книгу Бытия известного богослова ал-Каркасани (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1366). Из каирских караимских каллиграфов XV в. можно назвать Ахарона Кохена, изготовившего в 1453 г. список юридического сочинения Шему'еля ал-Магриби «Китаб ал-муршид» («Книга-наставник») (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1814). Прекрасный образец каллиграфии XVI в. — «Сефер ха-мицвот» («Книга заповедей») того же автора, которая была переписана в Иерусалиме в 1513 г. Йехудой б. Давидом б. ан-Наккашем (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1314; см. рис. 34). Выдающимся кал-

---

[2] Например, в собрании Фирковича сохранились фрагменты каллиграфического списка макам ал-Харири в еврейской транскрипции (шифр Евр.-араб. II 203).

лиграфом был *хаззан* (кантор и секретарь) каирской караимской общины в 1630—1650-х годах Ахарон Миʿмар (в ГПБ хранится более 70 рукописей и документов, переписанных им).

Каллиграфические рукописи отличались не только строгостью и единообразием начертания букв, но зачастую также и наличием огласовки. Огласовывались библейские тексты и их переводы, списки Мишны и Талмуда, молитвенники, литургические и светские стихотворения, а иногда даже фольклорные записи [Лебедев, 1979, с. 127]. В грамматических и лексикографических сочинениях огласовывались библейские слова и фразы. Наряду с обычной (тивериадской) огласовкой, употреблявшейся практически во всех языках, на которых писали евреи и караимы, в рукописях встречается также вавилонская огласовка (в еврейских, арамейских и еврейско-арабских текстах) и арабская (в еврейско-арабских текстах). Сфера распространения вавилонской огласовки — Ирак, Иран и Йемен [Weil, 1962, с. 52], хронологические рамки — X—XIX вв. (от знаменитого Вавилонского кодекса 916 г.[3] до поздних сборников стихотворений из Йемена). Арабская огласовка применялась караимскими каллиграфами на Ближнем Востоке в XIII—XVI вв. не только в списках произведений арабского происхождения (например, макам ал-Харири, арабских антологий и отдельных рассказов), но иногда даже и в оригинальных сочинениях караимских авторов [4]; засвидетельствованы курьезные случаи огласовки колофонов еврейско-арабских рукописей по арабской системе. Такой колофон встречается в конце комментария на Пятикнижие караима Моисея (Моше) б. Соломона (Шеломо) Леви, переписанного в месяце зу-л-каʿда 807 г. хиджры/июне 1405 г. Даʼудом б. Абу Саʿидом Ибн ал-Хайси (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1814, л. 4б).

Орудие письма на Востоке — тростниковый калам, на Западе — гусиное, а позднее — металлическое перо [Steinschneider, 1937, с. 24]. Чернила обычно употреблялись темно-коричневые (изготовлявшиеся из древесного угля) [Narkiss, 1974, с. 17], изредка — для выделения заголовков — красные. В упомянутой выше каллиграфической рукописи 1513 г. темно-коричневые чернила иногда обведены красными.

Украшения в свитках Торы регламентировались столь же строго, как и письмо. Единственным украшением свитков является *тагин* — коронки над некоторыми буквами, в особенности

---

[3] Рук. ГПБ Евр. В 3.

[4] Например, по арабской системе огласованы тексты арабоязычного предисловия к «Дивану» Моисея (Моше) Дарʼи (рук. ГПБ Евр. I 802, л. 1б—3б) и списка «Книги заповедей» Шемуʼеля ал-Магриби (Евр.-араб. I 1314).

над левой головкой букв: *гимел*, *зайин*, *тет*, *нун*, *ʿайин*, *цаде*, *шин* (в раннем средневековье также над *далетом* и *хе*). Существовало специальное руководство по написанию этих значков — «Сефер ха-тагин» («Книга о тагине»).

В библейских кодексах появляется орнамент, иногда искусно составленный из букв и фраз *масоры* [5], а зачастую и самостоятельный, не связанный с каллиграфическим оформлением. О широком распространении орнамента в рукописях еврейской Библии может свидетельствовать альбом «Еврейский орнамент» В. В. Стасова и Д. Г. Гинцбурга [Stassof, Günzburg, 1905], основанный преимущественно на материале библейских рукописей из собрания Фирковича. Уже старейшие сохранившиеся библейские кодексы X—XI вв. содержат прекрасные образцы высокохудожественного орнамента, например списки Пятикнижия 929 г. (рук. ГПБ Евр. II В 17) и 970 г. (рук. ГПБ Евр. II В 101) или знаменитая Каирская библия 1008 г. (рук. ГПБ В 19 А).

В библейских рукописях еврейского происхождения появлялись изображения реальных и мифических зверей и птиц, составленные из букв масоры, или вписанные в кружки и квадратики, образованные из масоретских текстов, или же в кустодах, а иногда — изображения людей и миниатюры [см.: Narkiss, 1974]. Еще разнообразнее оформление праздничных молитвенников и пасхальной аггады [6]. Многие рукописи подобного рода, в особенности испанского и итальянского происхождения, украшены заставками, орнаментом и миниатюрами (примеры см. [Narkiss, 1974]). Выдающимся образцом книжного искусства является Сараевская аггада середины XIV в., содержащая 70 миниатюр и множество цветных заставок [7]. Примером поздней иллюстрированной еврейской рукописной книги может служить венский молитвенник 1741 г. (рук. ГПБ Евр. н. с. 176), содержащий 11 миниатюр.

Орнаментировались также парадные, каллиграфические, заказные экземпляры рукописей различных жанров — как религиозного содержания (например, список «Книги заповедей» Шему'еля ал-Магриби), так и светских (например, сборник

---

[5] *Масора* — филологические примечания к библейскому тексту на полях рукописей и изданий еврейской Библии.

[6] Пасхальная аггада (*хаггада*) — повествование об исходе евреев из Египта, читаемое в пасхальный вечер.

[7] Издавалась дважды: [Müller, 1898; Sarajevska Hagada, 1962]. Сараевской аггадой эта рукопись названа по нынешнему месту хранения (Земельный музей Боснии в г. Сараеве, Югославия); место написания не указано, но, по предположению ее исследователей, это Испания (возможно, Барселона).

грамматических сочинений 1297 г. [8] или список «Дивана» Моисея (Моше) Дар'и) [9]. Рядовые списки светских сочинений орнаментировались и иллюстрировались сравнительно редко. На Арабском Востоке и в Южной Испании еврейские рукописи обычно не иллюстрировались; очевидно, здесь сказывалось влияние арабо-мусульманской культуры [Steinschneider, 1937, с. 27].

Лучшие образцы средневековой еврейской книжной миниатюры происходят из Италии. Кроме рукописей Библии, аггады и молитвенников иллюстрировались также списки сборника басен автора XIII в. Йицхака б. Сахулы [Roth, 1972, с. 103—110], еврейского перевода «Канона по медицине» Ибн Сины [Narkiss, 1974, с. 148] и некоторых других сочинений. Расцвет еврейской рукописной миниатюры в Европе относится к XV в. Португальский еврей Аврахам б. Хайим [10] написал специальный трактат о миниатюрной живописи. Другой район, где получила распространение книжная иллюстрация в еврейских рукописях, — Иран и Средняя Азия. Здесь миниатюры еврейских художников возникли под несомненным влиянием местных школ мусульманских мастеров; сохранившиеся образцы относятся к XVI—XVIII вв. (см., например, [Adler, 1921, табл. 35b, 37, 38]).

СТРУКТУРА И ДАТИРОВКА ЕВРЕЙСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Средневековая еврейская рукопись начинается с благословения и восхваления бога. Бенедикция (благословение) обычно сводится к словосочетанию «во имя бога» с теми или иными эпитетами, реже составляет законченную фразу, иногда в рифмованной прозе. Зачастую бенедикция выражается аббревиатурами [Steinschneider, 1937, с. 36]. Восхваление, как правило, более пространно и отличается бо́льшим разнообразием вариантов.

Далее следует авторское предисловие в прозе или стихах, излагающее цель работы и структуру сочинения. Нередко сочи-

---

[8] Рук. ГПБ Евр. I 97—102. На л. 1б — заставка с растительным орнаментом; колофон на л. 18б и многие кустоды сопровождаются орнаментированными виньетками. На полях л. 47б и в нижней части — изображения неких чудовищ, на л. 112 — арка и т. п.

[9] Рук. ГПБ Евр. I 802. На л. 138б — растительный орнамент, занимающий всю страницу.

[10] Относительно времени жизни этого автора в литературе имеются расхождения: Д. Кауфман указывает датой сочинения 1262 г. [Kaufmann, 1898, с. 299], а С. Рот датирует его серединой XV в. [Narkiss, 1974, с. 6].

нение посвящалось определенному лицу, и в таких случаях предисловие предварялось или заменялось посвящением в рифмованной прозе или акростихом в честь соответствующего лица. Оглавление в еврейских рукописях могло помещаться как в начале, так и в конце списка.

Окончание сочинения также отмечалось специальными формулами и аббревиатурами (примеры см. [Steinschneider, 1937, с. 36]). Этим формулам предшествуют *эвлогии* — восхваления бога по случаю завершения переписки. Наиболее распространена заключительная эвлогия: *Барух нотен лаййаʿеф коах* «Благословен дающий силу усталому!», основанная на библейской цитате (Исайя XL, 29). Примеры других заключительных фраз см. [Steinschneider, 1937, с. 47]. Подобные фразы, как правило, так или иначе связаны с библейскими цитатами. В самом конце списка писалось: *амен* «аминь» (иногда повторенное дважды или трижды, иногда в сочетании со словом *селла* — букв. «пауза»).

Даже в тех случаях, когда текст рукописи написан не на древнееврейском языке, как правило, сохраняются обычные еврейские начальные и конечные формулы. Так, еврейско-арабская рукопись XIV в. (рук. ГПБ Евр.-араб. II 852), состоящая исключительно из арабских литературных и фольклорных текстов в еврейской транскрипции, начинается словами: *Бешем Йахве ʾел ʿолам* «Во имя Яхве, бога вечного!». Заканчивая переписку арабского рассказа о черепе, караимский писец XVII в. (не назвавший своего имени) вдруг вспоминает библейскую цитату: *Хашивену Йахве ʾелек венашува хаддеш йамену какедем* «Верни нас, господи, к себе, и мы вернемся; обнови дни наши, как прежде» (Плач Иеремии V, 21), затем дает обычную эвлогию: *Барух Йахве ле ʿолам* «Благословен господь вовек!», далее привычное «аминь!» (здесь повторено дважды) и лишь в одном отступает от обычной концовки еврейской книги: вместо перечисленных выше еврейских формул пишет арабское слово *камулат* «кончено», как это было принято в арабских рукописях (рук. ГПБ Евр.-араб. II 1547, л. 5).

Влияние арабо-мусульманской рукописной традиции сказывалось в наличии арабоязычных восхвалений бога (*хамдала*) и предисловий к произведениям, написанным на древнееврейском языке, например к сборнику макам ал-Харизи под названием «Тахкемони» или «Дивану» Моисея Дарʿи. Обычно в ближневосточных рукописях, содержащих стихотворения еврейских и караимских поэтов, заголовки стихотворений даются по-арабски (независимо от языка самих стихотворений). Арабская «басмала» (*бисми-л-лахи-р-рахмани-р-рахим* «Во имя Аллаха

милостивого, милосердного») встречается лишь в некоторых списках арабских произведений в еврейской транскрипции [11] и скорее всего возникает в результате механического копирования арабского оригинала.

В сборниках каждое сочинение снабжалось своей бенедикцией и заканчивалось одной из вышеуказанных формул. Обычно начальные и конечные формулы выписывались более крупно, квадратным почерком. Типология еврейских рукописных сборников на основании их содержания нуждается в специальном исследовании.

Важным элементом рукописи является колофон, содержавший имя переписчика и заказчика, дату и место написания, как максимум — также высказывания и благочестивые изречения различного рода, а как минимум — только дату.

Имя переписчика обычно вводится словами *ха-ʿевед ха-цаʿир* (аббревиатура ХʿХЦ) «раб малый» и тому подобными уничижительными эпитетами; напротив, имена заказчика и его предков сопровождаются всевозможными хвалебными эпитетами [ср.: Розов, 1977, с. 19]. Высказывания переписчика большей частью содержат его извинения перед читателями за ошибки в переписке. Текст колофона в целом стандартен, индивидуальность переписчика проявляется редко (в намеках на общую историческую обстановку, обстоятельства жизни переписчика, в отдельных юмористических фразах, в указании сроков переписки, платы за труд и т. д.); изредка попадаются стихотворные колофоны (или части колофонов) [Steinschneider, 1937, с. 48—51].

Дата дается в большинстве случаев «от сотворения мира». Начало христианской эры соответствует 3760 г. этого летосчисления. В ближневосточных рукописях употреблялись также «эра контрактов» (она называлась еще «греческой» или «селевкидской»; ее начало соответствует 312 г. до н. э.) и мусульманская датировка по хиджре (т. е. с 622 г.). Нередко дата давалась одновременно по двум летосчислениям. Например, дамасский караим Йицхак б. Шему'ель переписал комментарий Салмона б. Йерухама на Псалмы 12 кислева 1703 г. по эре контрактов, отметив, что этот месяц соответствует зу-л-хиджжа 793/октябрю—ноябрю 1391 г. (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1427, л. 100б). Христианское летосчисление в еврейских рукописях, написанных в Европе, засвидетельствовано по крайней мере с XV в., случаи подобной датировки сравнительно редки [Steinschneider, 1937, с. 56].

---

[11] См., например, рук. ГПБ Евр.-араб. I 1310, л. 1 (список трактата арабского медика Исы б. Али «Тазкират ал-каххалин» — «Памятка для глазных врачей»).

Дата передавалась тремя способами: словами, с помощью букв, употреблявшихся в цифровом значении, и в виде хронограмм (библейских фраз, сумма букв которых составляла соответствующее число). В дате от «сотворения мира» первая буква, обозначавшая тысячи, могла опускаться [Steinschneider, 1937, с. 55]. Хронограмма всегда имела в виду эру «от сотворения мира», причем иногда в расчет принималась не вся фраза, а лишь отдельные ее слова или буквы, отмеченные точками вверху. Работа с хронограммами поэтому требует особого внимания и в случае небрежной расстановки точек и отсутствия других надежных критериев, позволяющих проверить датировку, доставляет много затруднений исследователям.

При обычном буквенном обозначении дата либо также выделялась точками над буквами, либо надчеркивалась. Обозначение даты цифрами — арабскими на Востоке и в Крыму и обычными европейскими (в быту известными под названием «арабских») в Европе — даже в позднесредневековых еврейских рукописях встречается очень редко. Даты «от сотворения мира» и «по эре контрактов» включают еврейские названия месяцев, даты по хиджре — мусульманские.

Место переписки отмечается в колофонах реже, чем дата. Как правило, упоминание места переписки обязательно в заказных, парадных, каллиграфических списках.

СУДЬБЫ РУКОПИСНЫХ КНИГ

Колофон в своем оптимальном варианте представляет собой как бы паспорт рукописи. Изучение колофонов дает большой материал для выяснения центров книгописания, характеристики переписчиков, заказчиков и т. д. К сожалению, после книги М. Штейншнейдера «Лекции об изучении еврейских рукописей, их собраниях и каталогах» ([Steinschneider, 1937]; первое издание — 1897 г.) не появилось новых работ, которые бы обобщали в этом отношении весь еврейский рукописный материал. Стимулом к созданию таких работ послужит сводный каталог датированных средневековых еврейских рукописей, а пока появляются лишь исследования об отдельных писцах (например [Scheiber, 1970, с. 115—130]). При отсутствии обобщающих исследований трудно делать какие-то выводы относительно характеристики еврейских переписчиков и заказчиков (как это делает Н. Н. Розов применительно к древнерусской книге [Розов, 1977, с. 95—112]). Приходится ограничиваться самыми общими положениями или случайными наблюдениями.

Существовали определенные категории профессиональных писцов: переписчики свитков Торы (строго специализировав-

шиеся на этом ремесле), а также секретари еврейских и караимских общин, оформлявшие деловые документы этих общин, а заодно и переписывавшие книги для синагог или знатных лиц. Нередко должность секретаря общины сочеталась с должностью хаззана (кантора), и тогда естественной обязанностью человека, занимавшего этот пост, становилась переписка литургических сборников и молитвенников. Особенно характерно сочетание хаззан-писец для караимов. Например, в караимской общине Каира в середине XVII в. этот пост занимал Ахарон Ми'мар, а в караимской общине Евпатории в 1820—1840-х годах (с некоторыми перерывами) — А. С. Фиркович. Упоминаемое при имени переписчика слово *ха-софер* «писец» (с определенным членом) в ряде случаев, очевидно, служит указанием на его профессию.

Безусловно, был велик и процент непрофессиональных переписчиков (как духовных, так и светских лиц). Их учет и характеристика — дело будущих исследователей. Можно лишь отметить, что круг каллиграфов не ограничивался профессиональными писцами. Каллиграфическим почерком обладал, например, потомственный караимский священнослужитель Ахарон ха-Кохен б. Моше ха-Кохен, живший в середине XV в. в Каире; выше упоминалась переписанная им в 1453 г. рукопись «Муршида» Шему'еля ал-Магриби.

Относительно заказчиков можно сказать, что их состав, по нашим наблюдениям, разнообразен, включает и духовных, и светских лиц. Изучение этого состава позволит представить круг чтения представителей различных слоев иудейских (еврейских и караимских) общин и состав средневековых еврейских библиотек, о которых речь пойдет ниже.

Владельцы рукописей часто оставляли на них свои записи разнообразного содержания: констатировали принадлежность рукописи, проклинали ее возможных похитителей (*арур гонево* «да будет проклят крадущий ее!»), сообщали о различных событиях в своей стране, городе или семье, подсчитывали свои доходы и расходы или просто пробовали перо. Представляют интерес, в частности, записи о различных стихийных бедствиях (например, записи о землетрясении 1706 и 1757 гг. в некоторых рукописях собрания Фирковича) [12]. Исследователь не должен игнорировать и такие на первый взгляд незначительные пометы, как пробы пера. Иногда эти пробы ограничивались лишь написанием отдельных букв или слов или же обычного в этих случаях словосочетания: *анасат ха-кулмос* «проба пера»; но

[12] См. соответственно рук. ГПБ Евр.-араб. I 418, л. 2б, и Евр. I 39—641, л. 36б.

нередко владельцы, пробуя перо, давали полностью весь еврейский алфавит (что представляет несомненный палеографический интерес, в особенности когда эти записи делались полукурсивом или курсивом). Среди проб пера попадаются также пословицы и афоризмы. Так, старейшая запись арабской пословицы *ас-салам йаджиб ал-калам ва-л-калам йаджиб ал-биттих* («Привет приносит слово, а слово приносит арбуз») обнаружена нами среди проб пера на фрагменте караимского литургического сборника XVII в. (рук. ГПБ Евр. II А 1322).

Большую ценность представляют глоссы — пометы, непосредственно относящиеся к рукописи. Глоссы содержат толкование неясных мест текста на языке оригинала или иных языках. Например, в каллиграфическом еврейско-арабском списке макам ал-Харири (рук. ГПБ Евр.-араб. II 203) отдельные арабские слова (очевидно, устаревшие к моменту переписки) объясняются более простыми арабскими синонимами (так, к форме *муклати* «мой глаз», л. 23б, дана глосса: *ʿайни*). Изобилует глоссами на древнееврейском, латинском и итальянском языках еврейско-арабский список «Канона» Ибн Сины (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1311); по предположению К. Б. Старковой, еврейские глоссы отражали подготовительную работу к переводу труда Ибн Сины на древнееврейский язык [Старкова, 1957, с. 47—50].

Другую группу владельческих записей представляют продажные и дарственные записи. Продажные записи — основной источник сведений о цене книг в разное время и в различных странах. К данным Л. Цунца [Zunz, 1845, с. 211—213] и М. Штейншнейдера [Steinschneider, 1937, с. 40—41] следует добавить несколько продажных записей из рукописей ленинградских собраний. Так, в библейской рукописи, ныне хранящейся в ЛО ИВ АН (шифр: С 35), сохранилась запись о продаже в 1387 г. двух рукописей (грамматики «Сефат йетер» — «Лишние слова» и трехтомной Библии) за 375 «крымских серебреников», а еще одна рукопись (А 211) была продана в 1462 г. в Кайруане (Тунис) за 14 флоринов (перахим).

Ряд продажных записей сохранили рукописи собрания Фирковича. Так, в одном из списков Пятикнижия [Harkavy—Strack, 1875, № 85] имеются две записи о продаже его за 50 динаров: одна (в подлинности которой, впрочем, сомневаются А. Я. Гаркави и Г. Л. Штрак) сделана в 1157 г. в г. Матарха (Тмутаракань) рукой знаменитого караимского ученого Йехуды Хадасси; другая не датирована, но, судя по почерку и чернилам, достаточно древняя. Из двенадцати записей, отражающих судьбу знаменитого Вавилонского кодекса, три содержат указания его цены [Harkavy—Strack, 1875, с. 231—235, № 10—

12], причем любопытно, что за сравнительно короткий срок (46 лет) эта цена снизилась почти вдвое: в 1332 г. он стоил 280 серебреников (*кесеф*), в 1350 г. — 190, а в 1378 г. — 150. К сожалению, ни в одной из этих записей не указано тогдашнее местонахождение кодекса и даже почти нет косвенных данных для предположений на этот счет. Скорее всего из Египта происходит фрагмент, содержащий запись о продаже некоей рукописи за 8 золотых ашрафи [13] и датируемый сафаром 871 г. хиджры / сентябрем—октябрем 1466 г. (название рукописи не сохранилось) [14].

География распространения еврейской рукописной книги в самых общих чертах совпадает с территорией расселения иудейских общин в средние века, охарактеризованной в первых строках данной работы. Задача будущих исследователей состоит в установлении основных центров еврейского книгописания и путей миграции еврейских рукописей. Материал для исследования дадут каталоги рукописных собраний, и прежде всего сводный каталог датированных рукописей. Полезной в методическом отношении является разработка географии древнерусской книги Н. Н. Розовым, предложившим для этой отрасли книговедения специальный термин «библиогеография» [Розов, 1977, с. 112—120].

Пока же можно отметить наличие еврейской рукописной традиции не только в таких древних культурных центрах, как Иерусалим, Дамаск и Каир, но и в сравнительно отдаленных городах и районах (например, Аден). Для истории отечественной культуры интересно проследить эту традицию на территории Кавказа и Крыма, Украины и Литвы — прежде всего на основе изучения собрания Фирковича.

Рукописи этого собрания дают также множество примеров миграции книги. Некоторые рукописи, найденные А. С. Фирковичем в Крыму, были написаны на Востоке. Например, Вавилонский кодекс был написан скорее всего в Ираке; спустя двести с небольшим лет (в 1127 г.) он находился в хорасанской деревне Шахрастан [Harkavy—Strack, 1875, с. 231], а в 1839 г. — в Чуфут-Кале [Фиркович, 1872, с. 12]. Следует попытаться проследить его путь из Хорасана в Крым, хотя данные для этого весьма скудны. Каирская Библия 1008 г. (рук. ГПБ В 19 А) попала в Крым через Дамаск [Harkavy—Strack, 1875, с. 274, № 10].

---

[13] Ашрафи — золотая монета, введенная в обращение мамлюкским султаном ал-Ашрафом Барсбеем (1422—1438).

[14] Рук. ГПБ Евр.-араб. II 1434.

21 Заказ № 174

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СОБРАНИЯ ЕВРЕЙСКИХ РУКОПИСЕЙ

Свитки Мертвого моря дают нам представление о древней еврейской библиотеке (или даже нескольких библиотеках) примерно двухтысячелетней давности. Характеристика этого комплекса материалов выходит за рамки данного очерка, посвященного средневековым еврейским рукописям; отметим лишь, что уже эти древнейшие библиотеки не ограничивались исключительно рукописями религиозного содержания, но включали также светские тексты (Устав кумранской общины, Медный свиток, некоторые апокрифы).

Далее в истории еврейских библиотек существует почти тысячелетняя лакуна. Можно лишь предполагать, что выдающиеся талмудисты и масореты располагали большими или малыми коллекциями рукописей и что основное место в этих коллекциях занимали библейские рукописи, а с развитием талмудической и мидрашитской литературы стал постепенно возрастать удельный вес этих памятников в рукописных собраниях.

Весь материал, содержащий сведения о средневековых еврейских библиотеках, распадается на три основные группы источников: 1) колофоны рукописей и владельческие пометы; 2) средневековые списки рукописей; 3) сообщения исторических источников о библиотеках.

Все эти группы источников привлекаются исследователями, но еще далеко не в полном объеме, и перечни средневековых еврейских библиотек носят пока беглый, схематический характер [Steinschneider, 1937, с. 57—58; Черный, с. 468—472]. Правда, в настоящее время готовится сводное издание всех сохранившихся средневековых списков еврейских рукописей, благодаря которому весь этот материал будет доступен исследователям [15]. Часть этих списков составлена книготорговцами и отражает не собрания определенных лиц, а перечень книг, предназначенных для продажи (наподобие современных книготорговых каталогов); списки подобного рода исключительно важны для представления о репертуаре рукописной книги соответствующего периода.

Обзор средневековых еврейских библиотек обычно начинают с X—XI вв. Между тем в арабских источниках нами обнаружено свидетельство о рукописном собрании химйарита-

[15] К настоящему времени уже опубликовано более 20 подобных списков, относящихся к XII—XVIII вв. Наиболее полный перечень этих публикаций см. [Аллони — Шейбер, 1973]. Можно упомянуть еще два неопубликованных списка: рук. ГПБ Евр.-араб. II 1118, и рук. ГПБ Антонин № 349.

иудея, жившего в конце VI—начале VII в., Мати' б. Зу-л-Хаджана, сын которого Ка'б ал-Ахбар впоследствии принял ислам и стал одним из первых мусульманских традиционалистов. Историк IX в. Ибн Са'д вкладывает в уста Ка'ба ал-Ахбара следующую фразу: «Отец мой написал мне книгу из Торы, вручил ее мне, сказал: „Пользуйся ею!“ — и запечатал от меня остальные свои книги (разрядка наша. — *В. Л.*)» [Ibn Saad VII/2, с. 156]. В дальнейшем Ка'б ал-Ахбар нарушил отцовский запрет, заглянул в эти книги и «обнаружил в них описание пророка Мухаммада», что и послужило причиной его перехода в ислам [Ibn Saad VII/2, с. 156]. Этот рассказ, повторяемый также историком XIV в. аз-Захаби [Lidzbarski, 1893, с. 31], более правдоподобен по сравнению с другими вариантами сообщений о принятии ислама Ка'бом ал-Ахбаром [Perlemann, 1953; Perlemann, 1955], и возможно, что в его основе лежит реальный факт передачи рукописей от отца к сыну. Ка'б ал-Ахбар, один из ученейших людей своего времени, и сам мог пополнять свою библиотеку. Арабский географ начала X в. Ибн ал-Факих, сообщая предание о находке гробницы пророка Данийала (Даниила), отмечает, что в этой гробнице были найдены гадательные книги, обладателем которых стал Ка'б ал-Ахбар [Ибн ал-Факих, 1979, с. 84, 205]. Рассказ этот носит явно фольклорный характер; но возникает вопрос, случайно ли здесь упомянут Ка'б ал-Ахбар — только ли как популярный знаток древних преданий, или же здесь отразились отголоски воспоминаний о его библиотеке? Во всяком случае, наличие рукописных собраний у Ка'ба ал-Ахбара, его отца и учителей — йеменских иудеев-книжников вряд ли подлежит сомнению. Ка'б ал-Ахбар, безусловно, пользовался не только устными, но и письменными еврейскими источниками. Характерна в этом отношении приписываемая ему фраза, сохранившаяся в хронике ат-Табари: «Я рассказывал по ветхой книге, которая ходила по рукам» [Tabari, т. 1, с. 74].

Более достоверные и конкретные сведения о еврейских библиотеках относятся уже к XII в., от которого сохранились и списки рукописей (правда, не всегда с указанием их владельцев) и сообщения источников о собирателях еврейских рукописей. Так, знаменитый переводчик конца XII—начала XIII в. Йехуда б. Тиббон «оставил своему сыну Самуилу богатое собрание еврейских и арабских книг с подробным в завещании наставлением о тщательном их сохранении» [Черный, с. 469]. Представляют интерес составленные в тот же период списки рукописей, принадлежавших египетскому еврею Йосефу (180 названий сочинений по философии, богословию, точным наукам, медицине, художественной литературе) [Аллони—Шейбер,

1973, с. 170—172] и врачу, имя которого не сохранилось [Банет, 1961, с. 171—185]. Для ближневосточных еврейских библиотек было характерно наличие сочинений арабского происхождения (в арабской графике или еврейской транскрипции). Остатки библиотек некоторых еврейских и караимских врачей средневекового Египта сохранились в собрании Фирковича. Это же собрание вместе с рукописным фондом ИВ АН дает большой материал для изучения библиотеки караимской семьи Фируз, жившей в Египте в XIV—XIX вв.

Из средневековых еврейских библиофилов, живших в Европе, можно отметить: Мешуллама б. Йа'акова из Люнеля (вторая половина XII в.) [Steinschneider, 1937, с. 58]; Йехуду (Леона) Москони с острова Мальорка (ум. в 1377 г.), библиотека которого была приобретена королем Арагона (сохранились два инвентаря этой библиотеки); итальянских евреев Менахема из Вольтерры (XV в.), собрание которого ныне находится в Ватиканской библиотеке, и Баруха де Пешиера (XVI в.) [Roth, 1972, с. 249—250]; амстердамского раввина Моисея Рафаила д'Агиляра (ум. в 1680 г.) [Черный, с. 471] и др. С появлением и развитием книгопечатания все больший удельный вес в книжных собраниях стали занимать печатные издания, но интерес к рукописям сохранялся (например, Агиляр, живший спустя двести лет после изобретения книгопечатания, имел 50 ценных рукописей). Одновременно с частными книжными коллекциями росли и синагогальные, в ряде случаев не ограничивавшиеся культовыми текстами.

В эпоху Возрождения появляются собиратели еврейских рукописей также среди христианских ученых-гуманистов, проявлявших интерес к гебраистике, и среди меценатов, покровительствовавших подобным ученым. В этой связи можно назвать библиотеки семейства Медичи (XV в.), гебраистов Пико де Мирандола (1463—1494, Италия), Я. Рейхлина (1455—1522, Германия), И. А. Видманштадта (первая половина XVI в., Мюнхен — 335 рукописей), И. Буксторфа-отца (1564—1629, Швейцария), Э. Покока (1604—1691, Англия — 420 рукописей), епископа Гентингтона (XVII в., Англия — 600 рукописей) [Черный, с. 470, 474] и др.

Источники не только дают обширный материал для нахождения следов средневековых еврейских библиотек, но иногда сообщают и о невосполнимых утратах. Войны, религиозные преследования, стихийные бедствия приводили к гибели многих средневековых еврейских библиотек. Так, в начале XVI в. в Каире погибла большая караимская библиотека [Steinschneider, 1937, с. 57], в XV в. — библиотека раввина г. Майнца (Германия) Моисея Минца, в XVI в. — собрание известного

грамматика Ильи Левиты в Италии [Черный, с. 470], и этот список можно было бы продолжить. Отсюда — необходимость усиления внимания к сохранившимся средневековым собраниям еврейских рукописей и к отдельным рукописям (пусть даже небольшим фрагментам), восходящим к этим коллекциям.

В XIX в. традиция собирания еврейских рукописей продолжалась во многих странах. Достаточно назвать такие имена, как А. С. Фиркович, Л. Фридлянд и семейство Гинцбургов в России, Э. Н. Адлер и М. Гастер в Англии, Д. Кауфман в Венгрии и др.

Многовековая деятельность собирателей еврейских рукописей способствовала созданию рукописных коллекций, в настоящее время большей частью поступивших в крупнейшие библиотеки мира. Так, собрание Фирковича хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Гинцбургов — в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, собрание Фридлянда — в Ленинградском отделении Института востоковедения, коллекция Кауфмана — в библиотеке Венгерской Академии наук, коллекция Тэйлора-Шехтера — в Кембриджской университетской библиотеке, собрание Адлера — в Еврейской теологической семинарии (Нью-Йорк). Некоторые старейшие государственные библиотеки Европы стали пополняться еврейскими рукописями уже в первые десятилетия своего существования. Например, в Парижскую Национальную (бывшую королевскую) библиотеку в конце XIV в. поступило 50 рукописей, найденных в доме некоего еврея, изгнанного из Парижа [Черный, с. 477].

Крупнейшими хранилищами еврейских рукописей в СССР являются: ГПБ (свыше 15 тыс. еврейских рукописей), Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (около 2 тыс.), ИВ АН (более тысячи кодексов). В Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР (Тбилиси) хранится более 30 еврейских рукописей, документов и свитков [Вильскер, 1979, с. 149—151]; украшением этого фонда является Лаилашская библия XI в. [Церетели, 1969; Weil — Guény, 1976]; остальные же рукописи — поздние (XVIII—начало XX в.). Более 20 еврейских рукописей находится в Научной библиотеке Вильнюсского государственного университета. Несколько еврейских рукописей хранится в Матенадаране (Ереван) [Вильскер, 1979, с. 149] и различных хранилищах г. Львова (Библиотека Академии наук УССР, Музей истории религии и атеизма). Не исключено, что отдельные еврейские рукописи находятся в различных учреждениях и у частных владельцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение еврейской рукописной книги в истории культуры определяется ее чертами, отмеченными в начале данной работы, прежде всего широтой исторических и географических рамок бытования, а также многоязычием и восприимчивостью к культурным традициям разных народов.

Еврейская рукописная книга, распространяясь на всей территории расселения евреев, способствовала развитию различных жанров художественной и научной литературы на древнееврейском языке, а следовательно, и сохранению этого языка в условиях, когда в живой речи он был вытеснен другими (вначале арамейским, греческим и латынью, затем, на Востоке, арабским и персидским, а в Европе — идишем, ладино и различными национальными языками). Именно благодаря рукописной книге древнееврейский язык вышел за пределы синагоги, продолжая развиваться в литературе, что явилось одной из предпосылок его воскрешения в качестве разговорного в XX в.

В то же время еврейская рукописная традиция в различных странах способствовала развитию литературного творчества на местных разговорных языках иудейских общин (еврейско-арабском — на Ближнем Востоке, еврейско-персидском — в Иране, Средней Азии и на Кавказе, идише — в Восточной Европе, ладино — в Средиземноморье и на Балканах, караимском — в Крыму, Галиции, Польше и Литве, крымчакском — в Крыму), а следовательно, и формированию соответствующих литературных языков.

Велика роль еврейской рукописной книги в установлении культурных контактов между Востоком и Западом. Многие арабские сочинения по философии, точным и естественным наукам вначале были переведены на древнееврейский язык и уже затем (в XII—XVI вв.) на латынь.

Собрания еврейских рукописей создали необходимую базу для развития гебраистики в Европе, а впоследствии и в Америке.

Лишь в еврейской рукописной традиции сохранился ряд литературных и фольклорных памятников других народов (в частности, арабов).

Еврейская рукописная книга способствовала развитию изобразительного искусства у евреев в ряде стран Европы и Азии.

Далеко еще не исчерпаны возможности использования еврейской рукописной книги для выявления следов культурного наследия многих древних и средневековых народов, насе-
 лявших нынешнюю территорию СССР (например, хазар). Эти

следы могут проявляться в художественном оформлении рукописей, в технике их изготовления, в глоссах на неведомых языках [16] и уже в самом факте нахождения рукописи в том или ином населенном пункте.

Дальнейшее углубленное изучение истории еврейской рукописной книги, безусловно, даст много ценного материала историкам и лингвистам.

Аллони — Шейбер, 1973. — Аллони Н., Шейбер А. Решимат сефарим, отограф лераб Йосеф рош ха-седер (Список книг — автограф г-на Иосифа, синагогального старосты). — Кирйат сефер. Т. 48. Иерусалим, 1973 (на иврите).

Алфавит. — Алфавит еврейский. — Еврейская энциклопедия. Т. 2. СПб., 1908.

Банет, 1961. — Банет Д. Ц. Сифрийато шел рофе бе Мицрайим биме ха-Рамбам — Тарбиц (Библиотека египетского врача времен Маймонида). Т. 30. Иерусалим, 1961 (на иврите).

Бе́рлин. — Бе́рлин И. Рукописи. — Еврейская энциклопедия. Т. 13. СПб., 1913.

Вильскер, 1974. — Вильскер Л. Х. Самаритянский язык. М., 1974.

Вильскер, 1979. — Вильскер Л. Х. Неизвестные еврейские рукописи и пергаменные постинкунабулы. — «Советиш Геймланд». 1979, № 3 (на идише).

Ибн ал-Факих, 1979. — Ибн ал-Факих. Ахбар ал-булдан (Известия о странах). Введение, пер. с араб., изд. текста и коммент. А. С. Жамкочяна. Ер., 1979.

Лебедев, 1973. — Лебедев В. В. Памятники арабской народной литературы в собраниях восточных рукописей. — Книги. Архивы. Автографы. М., 1973.

Лебедев, 1976. — Лебедев В. В. Две неизвестные арабские средневековые повести. — НАА. 1976, № 4.

Лебедев, 1979. — Лебедев В. В. Записи средневекового арабского фольклора в рукописном собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — ППВ-73. 1979.

Лихачев, 1899. — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Т. 1—3. СПб., 1899.

Люблинская, 1969. — Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969.

Пигулевская, 1960. — Пигулевская Н. В. Филиграни сирийских рукописей. — Пигулевская Н. В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. — Палестинский сборник. Вып. 6 (60). М.—Л., 1960.

Розов, 1977. — Розов Н. Н. Книга древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1977.

Старкова, 1957. — Старкова К. Б. Рукопись «Канона по медицине» Ибн Сины (Авиценны) из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Труды ГПБ. Вып. 2 (5). Л., 1957.

---

[16] См., например, запись на л. 82 библейского кодекса № 51 из первого собрания Фирковича [Harkavy — Strack, 1875, с. 76, № 3].

Фиркович, 1872. — Фиркович А. С. Сефер Авне Зиккарон. Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем. Вильна, 1872 (на древнеевр. яз.).
Церетели, 1969. — Церетели Г. В. О тбилисской рукописи древнееврейского Пятикнижия. — Восточная филология. Тб., 1969 (на груз. яз.).
Черный. — Черный И. Библиотеки. — Еврейская энциклопедия. Т. 4. СПб., 1909.
Adler, 1921. — [Adler E. N.] Catalogue of Hebrew Manuscripts in the Collection of Elkan Hathan Adler. Cambridge, 1921.
Beit-Arié, 1976. — Beit-Arié M. Hebrew Codicology. Tentative Typology of Technical Practices Employed in Hebrew Dated Medieval Manuscripts. P., 1976.
Birnbaum, 1954. — Birnbaum S. Hebrew Scripts. Pt. 1. The Plates. L., 1954.
Fihrist. — Kitab al-Fihrist. Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel. Bd 1—2. Lpz., 1871.
Goitein, 1967. — Goitein S. D. The Mediterranean Society. Los Angeles, 1967.
Harkavy — Strack, 1875. — Harkavy A., Strack H. L. Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der kaiserlichen öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg. St.-Pbg., 1875.
Ibn Saad. — Ibn Saad. Biographien Muhammeds, seiner Gefährten und späteren Träger des Islams bis zum Jahre 230 der Flucht. Bd 1—9. Leiden, 1904—1940.
Kaufmann, 1898. — Kaufmann D. Zur Geschichte der jüdischen Handschriftenillustration. — Müller D. H., Schlosser J. Die Haggadah von Sarajevo. Wien, 1898.
Lidzbarski, 1893. — Lidzbarski M. De propheticis quae dicuntur, legendis arabicis. Lipsiae, 1893.
Müller, 1898. — Müller D. H., Schlosser J. Die Haggadah von Sarajevo. Wien, 1898.
Narkiss, 1974. — Narkiss B. Hebrew Illuminated Manuscripts. 2-d ed. Jerusalem, 1974.
Perlemann, 1953. — Perlemann M. A Legendary Story of Ka'b al-Ahbar's Conversion to Islam. — The J. Starr Memorial Volume. Philadelphia, 1953.
Perlemann, 1955. — Perlemann M. Another Ka'b al-Ahbar Story. — The Jewish Quarterly Review. New Series. Vol. 45. Philadelphia, 1955.
Roth, 1972. — Roth C. Essays in Jewish Bibliography and Other Subjects. [Farnborough], 1972.
Sarajevska Hagada, 1962. — Sarajevska Hagada. Tekst napisao Sesil Rot. Beograd, 1962.
Scheiber, 1970. — Scheiber A. Materialen zur Wirksamkeit des Joseph b. Jacob Habavli als Schriftsteller und Kopist. — «Acta Orientalia Hungaricae». T. 23. Budapest, 1970.
Scheiber, 1971. — Scheiber A. Two Book Lists of Joseph b. Jacob Habavli. — «The Journal of Jewish Studies». Vol. 22, 1971.
Starkova, 1972. — Starkova C. B. Les plus anciens manuscrits de la Bible dans la collection de l'Institut des études orientales de l'Académie des sciences de l'URSS. — Colloques internationaux du CNRS. № 547. La paléographie hébraique médiévale. P., 1972.
Stassof, Günzburg, 1905. — Stassof V., Günzburg D. L'ornement hébreu. B., 1905.

Steinschneider, 1937. — Steinschneider M. Vorlesungen über

die Kunde hebräischen Handschriften, deren Sammlungen und Verzeichnisse. 2-te Aufl. Jerusalem, 1937.
Tabari. — Annales quod scripsit Mohammed ibn Jarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje. T. 1—3. Lugduni-Batavorum, 1881—1883.
Weil, 1962. — W e i l G. E. Developpement de l'oeuvre massoretique.— Bulletin d'information de l'Institut de recherches et d'histoire des textes. N 11. P., 1962.
Weil — Guény, 1976. — W e i l G. E., G u é n y A.-M. Le manuscrit du Pentateuque de Tbilissi. Aspects paléographique, codicologique et massoretique. — Восточная филология. Вып. 4. Тб., 1976.
Zunz, 1845 — Z u n z L. Zur Geschichte und Litteratur. Bd 1. B., 1845.

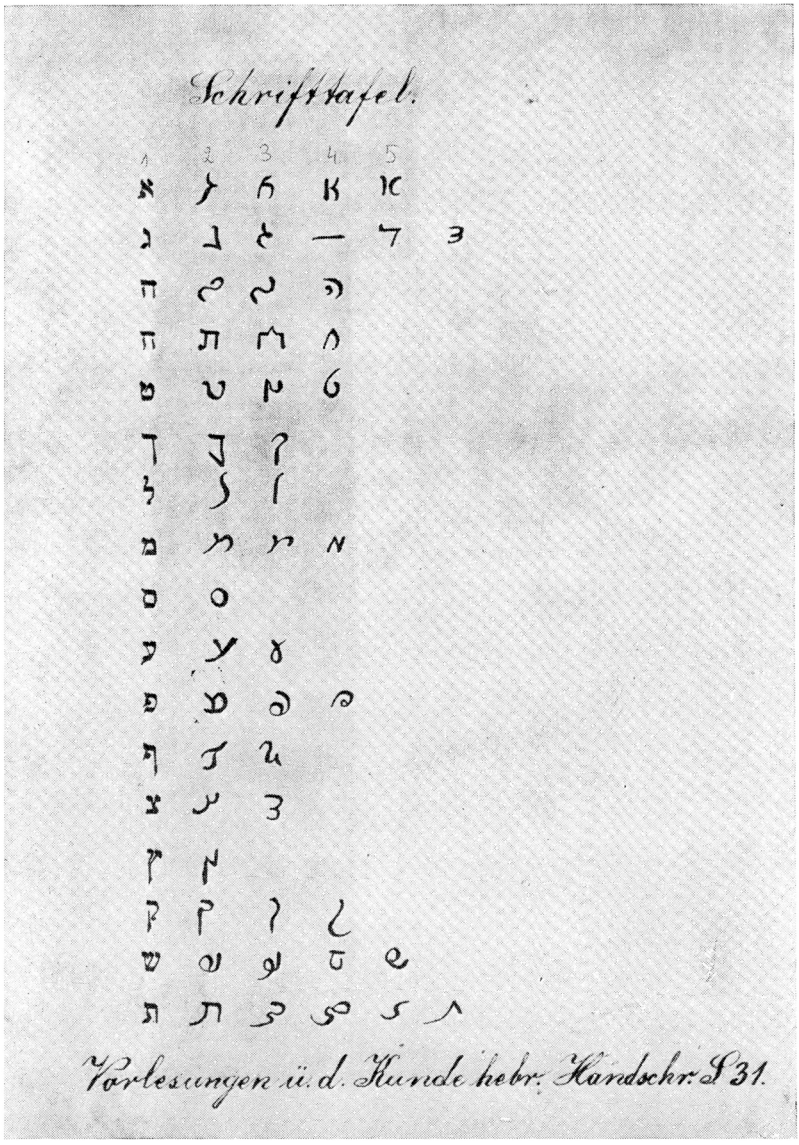

Рис. 32. *К очерку В. В. Лебедева.* Таблица образцов еврейских почерков (по кн.: M. Steinschneider. Vorlesungen über die Kunde hebräischen Handschriften. 2. Aufl. Jerusalem, 1937): стб. *1* — квадратный почерк; стб. *2* — сефардийский полукурсив; стб. *3* — сефардийский курсив; стб. *4* — ашкеназский курсив; стб. *5* — отдельные варианты некоторых букв в ашкеназском курсиве

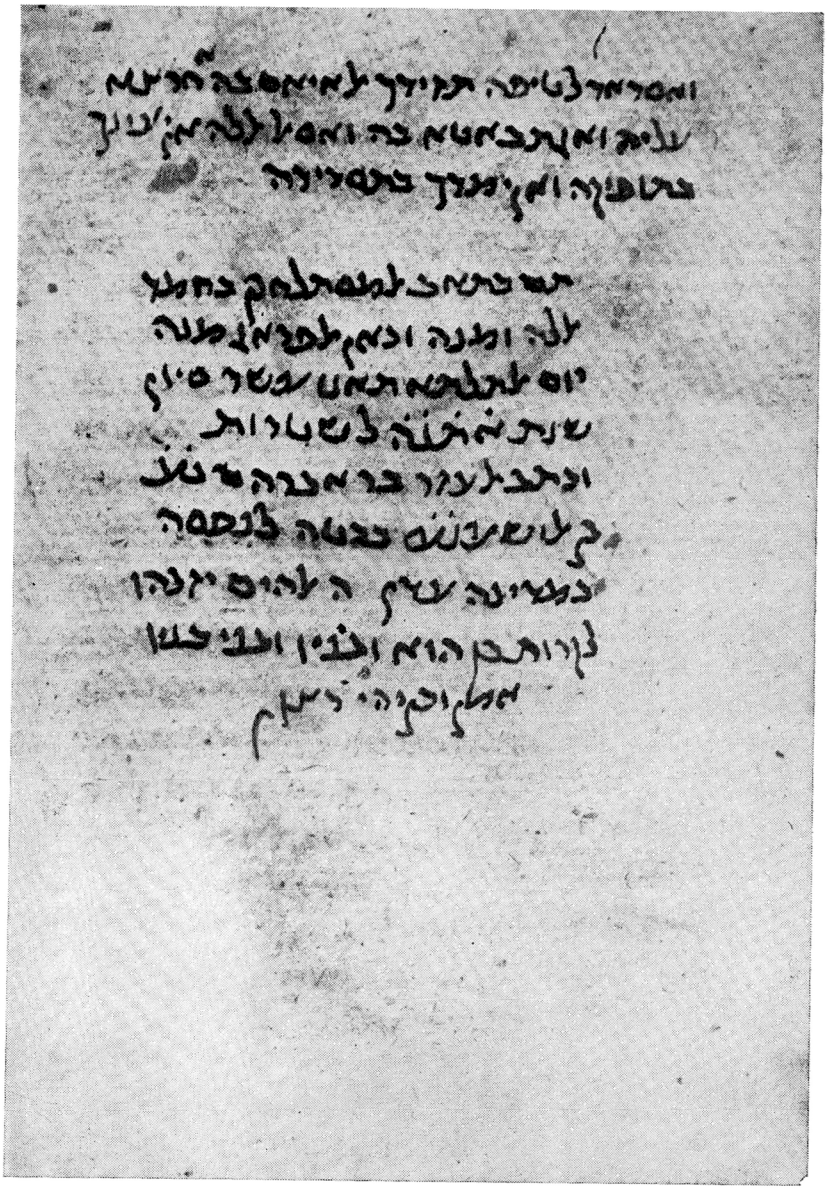

Рис. 33. *К очерку В. В. Лебедева.* Образец еврейского восточного курсива (Ленинград, ГПБ, II собр. Фирковича. Евр.-араб. I № 4562, л. 44а). Аден. 1144 г.

Рис. 34. *К очерку В. В. Лебедева.* Образец орнамента начала XVI в. (Ленинград, ГПБ, Евр.-араб. I 1314, орнаментированное заглавие). 1513 г.

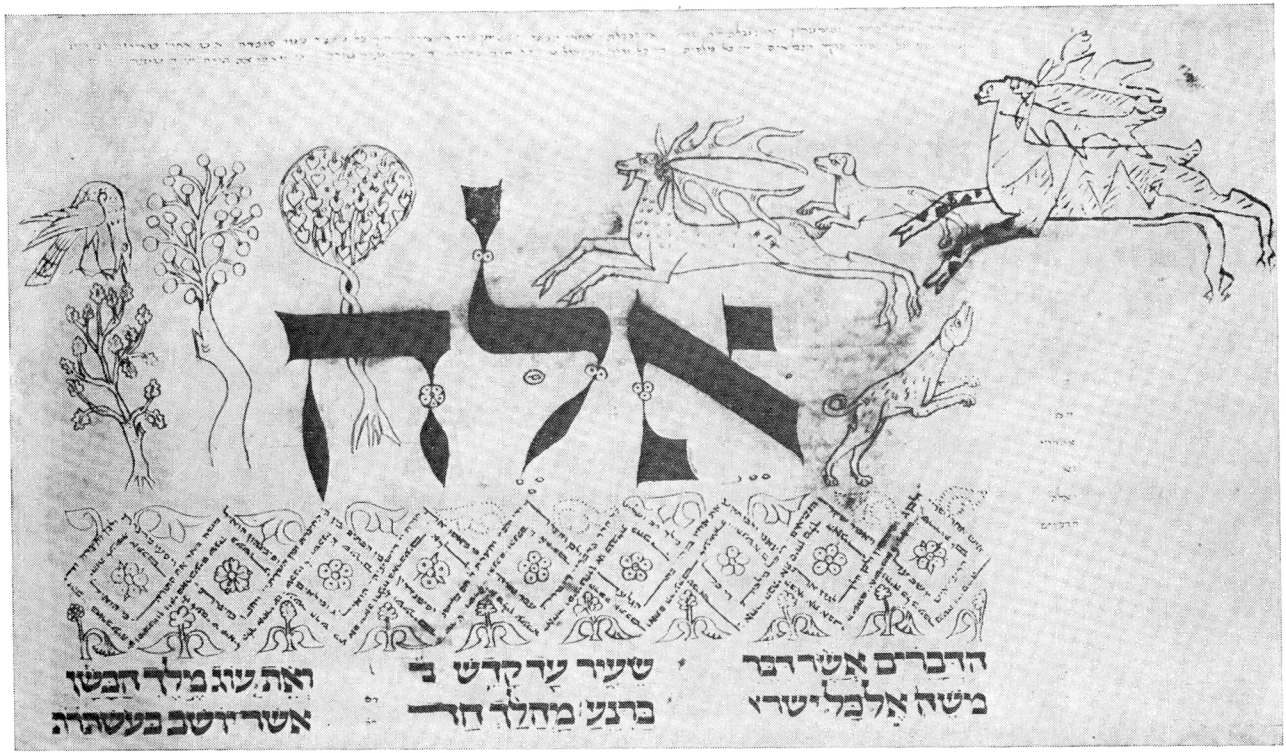

Рис. 35. *К очерку В. В. Лебедева.* Миниатюра «Собаки гонятся за оленем» (Ленинград, ГПБ, I собр. Фирковича, B 2, л. 230б). Франция (?). XIV в.